

УДК 321.7

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ «НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ» В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Чепель Сергей Львович,

канд. ист. наук, доцент Департамента политологии,

Финансовый университет; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ChepelSL@mpei.ru

Аннотация. В статье на основе сравнительного подхода исследуются тенденции развития политического участия в посткоммунистических странах Европы как фактор консолидации «новых демократий». Разочарование правительственной политикой, не оправдавшей ожиданий повышения уровня благосостояния и расширения индивидуальных свобод в условиях демократического режима, вызвало заметное снижение уровня политического участия во всех странах «третьей волны» демократизации. Однако если в посткоммунистических европейских странах эти общественные настроения вылились в массовую политическую апатию и значительное падение явки на выборы, то в поставторитарных странах не произошло резкого спада политической активности и сохранилось достаточно активное электоральное участие. По уровню участия в различных видах неэлекторального действия посткоммунистические европейские «новые демократии» также уступали поставторитарным «новым демократиям». Автор приходит к выводу, что преобладание в культуре посткоммунистических европейских стран ценностей выживания, подерживавшее утилитарное отношение к демократии, ограничивало общественную политическую активность в целом и блокировало выход граждан за рамки направляемого элитами политического участия. Выбор форм и видов политического участия гражданами «новых демократий» зависел также от того, какой характер приобретала общественная активность в ходе либерализации диктатур и последующего процесса демократизации. В посткоммунистических странах Европы, в которых к началу этапа либерализации не существовало каких-либо общественных движений, способных стать влиятельными партнерами по диалогу с реформаторами из рядов господствующей партии, гражданская активность вылилась в основном в краткосрочные массовые протестные действия, что не благоприятствовало консолидации демократии.

Ключевые слова: политическое участие; электоральное участие; неэлекторальное участие; демократический переход; посткоммунистические «новые демократии»; поставторитарные «новые демократии»; консолидация демократии; гражданское общество.

POLITICAL PARTICIPATION AND THE PROBLEMS OF CONSOLIDATION OF “NEW DEMOCRACIES” IN POST-COMMUNIST COUNTRIES OF EUROPE

Chepel S.L.,

PhD in Historical Science, Associate Professor, Political Science Department, Finance University, Associate

Professor, Department of theoretical and applied political science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ChepelSL@mpei.ru

Abstract. The article deals with the comparative research of the political participation trends in post-communist countries of Europe which greatly contribute to the consolidation of “new democracies”. Disappointment in government policy that did not answer expectations for increasing living standard and expanding personal freedom under the democratic regime brought about a significant decline of political participation level in all the countries of “the third wave” democratization. However in post-communist countries this kind of public

mood resulted in mass political apathy as well as in a downfall of voter turnout. The situation turned out differently in post-authoritarian countries where political activity did not lower considerably and the level of electoral participation remained rather high. European post-communist "new democracies" also fell behind post-authoritarian ones as far as various types of non-electoral participation is concerned. The author concludes that the survival values prevailing in the culture of post-communist European countries which keep up utilitarian attitude towards democracy restrained public political activity as a whole and blocked citizens in exceeding the limits of elite-directed political participation. In the "new democracies" citizens' choice of the forms and types of political participation also depends on what kind of character public activity has acquired in the course of liberalization of dictatorship regimes and subsequent democratization process. By the beginning of the liberalization phase in post-communist countries of Europe there had not existed any public movements that were capable to become influential partners in a dialogue with the reformers from the dominating party. That is why here civil activity amounted but to short-term mass protest actions which could not encourage the consolidation of democracy.

Keywords: *political participation; electoral participation; non-electoral participation; the transition to democracy; post-communist "new democracies"; post-authoritarian "new democracies"; the consolidation of democracy; civil society.*

Несмотря на то что в современном мире начала XXI в. недемократическая политика практически утратила прежние источники легитимности, а в массовом сознании обществ, расставшихся со своим диктаторским прошлым, демократический режим сохраняет привлекательность как форма политической организации, примерно только одной трети стран «новой демократии» удалось полностью решить задачу консолидации. Для остальных же участников «третьей волны» демократизации попытка перехода к открытой политической системе закончилась формированием либо неустойчивых демократических, либо псевдodemократических и полуавторитарных режимов. Прогнозируя подобный сценарий развития «новых демократий», Ф. Шмиттер еще в середине 1990-х гг. заметил, что их «ждут немалые разочарования, когда окажется, что действительность завышенным ожиданиям не соответствует, а на смену опьяняющему возбуждению переходного периода пришел скучный период консолидации» [1].

Конечно, глобальный масштаб «третьей волны» демократизации способствовал распространению оптимизма относительно перспектив демократического политического развития поставторитарных и посткоммунистических стран как в кругах политических элит, так и в массовом сознании. Действительно, прогресс демократии в мире в ходе «третьей волны» с ее начала в 1970-х гг. и до конца XX в. трудно поставить под сомнение. В этот период

в странах Южной Европы, Латинской Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии ушли в прошлое военные и олигархические режимы, в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве мирным и немирным путем были ликвидированы мобилизационные идеологические режимы, в большинстве стран Африки начался процесс политической либерализации постколониальных авторитарных режимов. По оценкам Freedom House, за 30 лет, с 1972 по 2002 г., число свободных стран выросло с 43 до 89, частично свободных — с 38 до 55, а число несвободных стран сократилось с 69 до 48. Соответственно, доля свободных стран в мире увеличилась с 29 до 46%, частично свободных — с 25 до 29%, а доля несвободных стран уменьшилась с 46 до 25% [2]. Однако уже в 1990-е гг. темпы демократической волны снизились, а в первое десятилетие XXI в. наступила ее стагнация. Так, в период 2002–2014 гг. не наблюдалось роста доли свободных стран, которая оставалась на уровне 46%, доля частично свободных стран сократилась с 29 до 28%, а доля несвободных стран выросла с 25 до 26% [2].

По мнению большинства транзитологов, стагнация «третьей волны» демократизации заключалась в первую очередь в сокращении либерального содержания многих «новых демократий», политическое руководство которых, формально сохраняя электоральные процедуры, не обеспечивало достаточно прочных гарантий гражданских свобод. В частности, Л. Даймонд, отмечая эту тенденцию, подчеркивал, что «разрыв между электоральной и либеральной демо-

кратией заметно увеличился как раз в течение последней фазы „третьей волны”, став одной из определяющих, хотя и малозаметных особенностей этой фазы» [3]. Общая тенденция стагнации «третьей волны» демократизации отчетливо проявилась и в посткоммунистических государствах. По данным Freedom House, в период 2002–2014 гг. в группе из 25 посткоммунистических стран Европы и Евразии количество свободных стран не изменилось, составив 12, количество частично свободных сократилось с 8 до 7, а количество несвободных увеличилось с 5 до 6 [2].

История развития политических отношений в XX в. показала, что широкое участие общества в конкурентной политике является основным условием сохранения представительного и ответственного правления. Ведь включение граждан в различные виды политической активности благоприятствует усвоению демократических ценностей, пониманию значимости демократических процедур в деле защиты политических прав и гражданских свобод, укреплению веры в недопустимость безответственного поведения правящих элит, т. е. всего того, что составляет политико-культурную основу либеральной демократии. «Если демократическая политическая система — это такая система, где обычный гражданин участвует в политических решениях, — указывали классики сравнительной политологии Г. Алмонд и С. Верба, — то демократическая политическая культура должна состоять из совокупности таких убеждений, установок, норм, восприятий и т. п., которые поддерживают участие» [4]. Сегодня, в начале XXI в., уже вполне очевидно, что стагнация «третьей волны» демократизации стала результатом слабости объективных факторов, среди которых политическая культура — один из главных. Поэтому проблемы консолидации, с которыми столкнулись многие «новые демократии», актуализируют задачу исследования тенденций развития политического участия в демократизирующихся обществах и степени культурно обусловленного спроса на различные его формы. Несмотря на преобладание в политической культуре «новых демократий» подданнических ориентаций, значительные экономические, социальные и политические различия между предшествующими недемократическими режимами дают основание утверждать, что население посткоммунистических

и поставторитарных обществ было в разной степени готово к усвоению гражданской компетентности как мотива демократического политического участия. Ведь смена политического режима не может в одночасье стереть прошлый опыт в общественной памяти. Поэтому в статье анализ тенденций развития политического участия в европейских посткоммунистических «новых демократиях» проводится на основе сравнительного подхода с привлечением данных о политической активности граждан в поставторитарных «новых демократиях» и в странах «старой демократии». Выборку посткоммунистических «новых демократий» Европы составили Болгария, Венгрия, Грузия, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Словения, Украина. В свою очередь, эти страны разделены на две группы: восточноевропейские (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словения) и постсоветские европейские (Грузия, Молдова, Россия, Украина), исходя из разной степени разрушения гражданского общества при тоталитаризме с помощью партийной идеологии и государственного контроля. Выборку поставторитарных «новых демократий» составили Аргентина, Испания, Чили, Южная Корея, Южная Африка, а выборку «старых демократий» — Австралия, США, ФРГ, Швеция, Япония.

Голосование на выборах разного уровня, представляющее собой наиболее массовую форму политического участия и важнейший индикатор политической активности общества, принято рассматривать как основной инструмент влияния граждан на процесс выработки политического курса в условиях демократического правления. Однако политические диктатуры, прежде всего тоталитарные, не отказывались от использования выборов как инструмента легитимации своей власти. Практически стопроцентное участие взрослого населения СССР и стран Восточной Европы в так называемом всенародном голосовании, отражавшее мобилизующую роль идеологии, демонстрировало безоговорочную поддержку курса господствующих коммунистических партий. Распад тоталитарных режимов и переход от мобилизованного к автономному политическому участию сопровождались неизбежным в данных условиях снижением электоральной активности во всех посткоммунистических странах. Тем не менее в начале 1990-х гг., как показано в *табл. 1*, явка на выборы в посткоммунистических «новых

**Электоральное политическое участие (голосование) по группам стран
(среднее значение в % от числа имеющих право голоса)**

Страны	1990–1992 гг.	1993–1999 гг.	2000–2006 гг.	2006–2009 гг.	2009–2011 гг.
«Старые демократии»	81,7	79,7	79,2	79,6	78,6
Поставторитарные «новые демократии»	–	82,8	78,9	78,2	73,1
Посткоммунистические «новые демократии» Европы	76,1	67,4	61,3	58,1	54,8
Восточноевропейские страны	72,2	66,9	60,2	56,2	52,1
Постсоветские европейские страны	81,0	67,8	62,6	60,5	58,8

Источник: подсчитано на основании данных IPU PARLINE database on national parliaments, www.ipu.org; Election Resources on the Internet www.electionresources.org; Parties and Elections in Europe www.parties-and-elections.eu.

демократиях» Европы находилась на достаточно высоком уровне — 76,1%, близком к показателям «старых демократий» — 81,7%.

Основной причиной высокой электоральной активности на начальном этапе демократического перехода, особенно в ходе учредительных выборов, стал эмоциональный массовый подъем, возникший в результате краха партийно-номенклатурной политической системы и роста ожиданий повышения уровня благосостояния и расширения индивидуальных свобод в условиях демократии. «Несмотря на страхи и неопределенность относительно того, куда эти изменения заведут, — отмечает исследователь посткоммунистической Европы М. Ховард, — большинство пережили, по крайней мере, краткий миг искреннего волнения, надежд и идеализма в это время быстрой трансформации» [5]. Общей тенденцией политического развития «новых демократий» в период 1990-х — 2000-х гг. стало снижение электоральной активности, главной причиной которой явилось разочарование широких слоев населения результатами деятельности избранных правящих элит, чья управленческая неэффективность и нередко коррумпированность вызывала острое социальное недовольство. Эти общественные настроения во многих демократизирующихся странах нашли выражения в так называемой авторитарной ностальгии как сохраняющейся вере в то, что прежний автократический режим, при всех имевшихся у него недостатках, тем не менее обладал рядом положительных сторон.

Однако, как следует из *табл. 1*, наиболее резкий спад явки на выборы наблюдался именно в посткоммунистических «новых демократиях», где во второй половине 1990-х гг. участие в голосовании принимали уже 67,4% избирателей, в то время как в поставторитарных — 82,8%. К началу 2010-х гг. правом голоса в посткоммунистических странах пользовались только 54,8% избирателей, в поставторитарных — 73,1%, а в странах «старой демократии» — 78,6%. Различия в уровнях электоральной активности и в темпах снижения явки на выборы в разных типах «новых демократий» объясняется действием ряда факторов. Прежде всего, необходимо отметить, что режимная трансформация в посткоммунистических странах была намного более сложным процессом, чем в странах поставторитарных, в силу необходимости осуществления так называемого «двойного перехода». Ведь после распада тоталитарных режимов, которые были не только политически недемократическими, но и экономически неэффективными, перед правящими элитами бывших социалистических стран встала трудноразрешимая задача одновременного проведения политической и экономической реформ. В поставторитарных же обществах переход к демократии предполагал осуществление только политической реформы, так как в большинстве из них ко времени падения диктатур уже функционировала недостаточно развитая, но, тем не менее, рыночная экономика. Очевидно, что переход от плановой экономики к рыночному

хозяйству в посткоммунистических странах сопровождался значительными социальными издержками, которые стали непосредственной причиной массового недовольства деятельностью правительств и усиления авторитарной ностальгии. Однако необходимо подчеркнуть, что экономические трудности как таковые нельзя рассматривать в качестве фактора, предопределившего динамику электорального участия в странах «новой демократии». Ведь, как известно, острые социально-экономические проблемы испытывали не только посткоммунистические, но и поставторитарные государства, правительства которых далеко не всегда успешно решали задачу модернизации своих отсталых экономик. Думается, что заметные различия в характере электорального участия, как и политического участия в целом, отразили культурно обусловленное расхождение в оценках граждан посткоммунистических и поставторитарных «новых демократий» значения демократии для общества и отдельной личности.

Сравнительное изучение процессов политического развития «новых демократий» показывает, что серьезным препятствием на пути их консолидации выступало утилитарное восприятие гражданами демократических институтов, поддержка которых в общественном сознании жестко связывалась с их эффективностью в деле повышения благосостояния населения. Поэтому следует согласиться с Р. Инглхартом и К. Вельцелем в том, что «подлинная поддержка демократии возникает тогда, когда люди высоко ценят и считают самоцелью гражданские и политические права, которые она несет с собой» [6]. Иными словами, только заметное присутствие в культуре ценностей самовыражения способно обеспечить безусловное доверие демократическим институтам даже при их невысокой управленческой эффективности. Конечно, индустриально-аграрный характер экономики, типичный для недемократических режимов, не мог обеспечить массового благосостояния, что проявилось в преобладании в общественном сознании ценностей выживания. К тому же в условиях тоталитаризма подавление любых проявлений свободы личности и идеологическая мобилизация общества вообще полностью заблокировали развитие культуры самовыражения. Но в то же время нельзя отрицать того, что существование при авторитаризме экономической и социальной свободы,

а также отсутствие мобилизующей идеологии благоприятствовали распространению в обществе отдельных компонентов культуры самовыражения. Таким образом, культурное наследие тоталитарных и авторитарных диктатур заметно различалось по измерению ценности выживания и ценности самовыражения, что вызвало неоднозначную реакцию посткоммунистических и поставторитарных обществ на экономические и политические последствия режимной трансформации. В посткоммунистических странах, культура которых, в силу преобладания в ней ценностей выживания, отличалась утилитарным отношением к демократии, разочарование в результатах предпринятых правительствами реформ вылилось в массовую политическую апатию и резкое падение явки на выборы. Напротив, в поставторитарных странах, культура которых, за счет включения отдельных элементов ценностей самовыражения, поддерживала внутреннюю убежденность значительной части населения в ценности демократии как таковой, неудовлетворенность правительственной социально-экономической политикой не вызвала массового отхода граждан от политической активности. Эта особенность политической ментальности поставторитарных обществ выразилась в умеренных темпах снижения явки на выборы и в сохранении электорального участия на относительно высоком уровне.

Как было отмечено выше, всеобщее избирательное право и активное участие граждан в голосовании являются главными средствами демократического контроля общества за деятельностью правящих элит. Поэтому минималистские определения демократии сводят ее к обладанию гражданами государства избирательными правами и наличию конкуренции нескольких кандидатов в ходе избирательной кампании. К примеру, по определению Й. Шумпетера, «демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем борьбы за голоса избирателей» [7]. Однако в условиях массовой политики как арены столкновения множества противоречивых интересов и ценностных позиций столь ограниченная трактовка демократии оказалась не вполне приемлемой для определения политической системы, действительно способной гарантировать представительное и ответственное

правление. Выдвинутая Р. Далем концепция полиархии существенно восполнила имеющийся недостаток минималистских дефиниций демократии. Как известно, наряду с правом избирательного голоса и правом на состязательность политических лидеров за общественную поддержку, необходимыми институциональными условиями демократии Р. Даль считал также свободу самовыражения, доступ к альтернативным источникам информации, свободу создания и вступления в организации, т.е. все то, что наполняет либеральным содержанием демократические политические формы. Расширительная трактовка демократии, делающая акцент на гарантиях гражданских свобод, является, на наш взгляд, ключом к выявлению особенностей политического участия в европейских посткоммунистических «новых демократиях» и к осмыслению проблем их консолидации в целом. Ведь при всей значимости выборов как канала общественного доступа к процессу выработки политического курса они, в силу своей периодичности, позволяют гражданам только поддержать одну из предложенных конкурирующими партиями программ развития страны. Как пишут Ф. Шмиттер, Т. Карл, критикуя сведение демократии к честным и регулярным выборам, «это заблуждение называют „электорализмом“ — верой в то, что выборы сами по себе способны направить политическую активность в русло мирного соревнования между элитами и легитимно наделить победителей законодательной властью от имени общества» [8]. Поэтому активное включение населения страны в неэлекторальные виды политического участия служит надежным критерием проведения границы, разделяющей либеральные и электоральные «новые демократии».

Сравнительный анализ данных о неэлекторальном политическом участии в «новых» и «старых» демократиях позволяет выделить ряд тенденций развития политической активности в посткоммунистических странах Европы. Во-первых, как следует из *табл. 2*, по среднему показателю неэлекторального участия посткоммунистические «новые демократии» не только значительно отставали от зрелых демократий, но и заметно — от поставторитарных «новых демократий» на протяжении всего периода 1990-х — 2000-х гг. и дистанция между ними не сокращалась.

Во-вторых, обращает на себя внимание существенный разрыв в показателях неэлекторального и электорального политического участия в европейских посткоммунистических «новых демократиях» по сравнению со странами «старой демократии». Как показывает сравнение данных из *табл. 1 и 2*, в период 1990-х — 2000-х гг. средняя доля граждан, включавшихся в тот или иной вид неэлекторального политического действия, была меньше доли участвовавших в голосовании в странах «старой демократии» примерно в два раза, в поставторитарных странах — в пять раз, а в посткоммунистических странах Европы — в шесть раз. Конечно, доля тех граждан, которые стремятся использовать неэлекторальные виды политической активности для оказания воздействия на государственную политику, всегда заметно ниже доли тех, кто предпочитает ограничиться ролью избирателя. Тем не менее именно величина разрыва между электоральным и неэлекторальным политическим участием выступает важной характеристикой преобладающих в обществе политико-культурных ориентаций. Низкая популярность неэлекторальных видов политической активности в посткоммунистических «новых демократиях» — свидетельство того, что преобладание в культуре общества ценностей выживания всегда ограничивает представления граждан об их политической влиятельности, блокируя тем самым выход за рамки направляемого элитами политического поведения. Даже эйфория позитивных ожиданий, охватившая население посткоммунистических стран Европы в начале процесса демократизации и поддержавшая в тот период высокую явку на выборы, оказалась недостаточным ресурсом для расширения включения граждан в неэлекторальные политические практики. В то же время ограниченное присутствие в культуре поставторитарных обществ ценностей самовыражения проявилось в более высоких, хотя не особенно впечатляющих, показателях неэлекторальной политической активности. При этом следует подчеркнуть, что культурно обусловленный спрос на те или иные формы и виды политического участия в значительной мере зависит от качества гражданского общества и объема социального капитала.

Большинство исследователей демократических переходов разделяют мнение о том, что активное гражданское общество и значительный социальный капитал являются важными,

**Неэлекторальное политическое участие по группам стран
(среднее значение в % от числа опрошенных в 1995–1998 и 2005–2009 гг.)**

Страны	Подписание петиций		Присоединение к бойкоту		Участие в мирных демонстрациях		Средний показатель неэлекторального участия	
	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.
«Старые демократии»	65,8	65,6	18,4	15,2	18,7	20,5	34,3	33,7
Поставторитарные «новые демократии»	24,5	21,7	4,7	5,4	15,1	18,2	14,7	15,1
Посткоммунистические «новые демократии» Европы	14,0	12,6	3,3	3,4	13,0	12,4	10,1	9,4
Восточноевропейские страны	16,1	16,3	3,6	3,1	10,7	8,5	10,1	9,3
Постсоветские европейские страны	11,3	8,0	3,0	3,8	15,8	17,2	10,0	9,6

Источник: подсчитано на основании данных World Value Survey. Wave 3. (1995–1998), Wave 5. (2005–2009), www.worldvaluessurvey.org.

хотя и не единственными факторами, благоприятствующими консолидации демократии. Ведь даже сильные организации гражданского общества не могут подменить государственные институты, эффективное функционирование которых также необходимо для осуществления перехода к демократии. Иными словами, задача гражданского общества — через взаимодействие с политическим и экономическим сообществами поддерживать демократизм институтов государственной власти. Общественные ассоциации считаются полезными для демократии, так как в них граждане вырабатывают навыки диалога, доверия и терпимости. Таким образом, включение населения в организации гражданского общества становится способом накопления социального капитала и формирования культуры участия, необходимой для поддержки демократической системы.

Нехватка социального капитала как неспособность граждан взаимодействовать друг с другом за рамками их ближайшего семейного и дружеского окружения (а следовательно, их неготовность к совместным политическим акциям по защите общественных интересов и ценностей) рассматривается как одна из существенных проблем демократизирующихся обществ. В то же время ассоциации, формирующие

гражданское общество, важны для демократии не только как «школы социального доверия» и сети распространения идей и информации, но и как средство прямого воздействия на политический курс государства. Так, по мнению Л. Даймонда, наряду с функцией ограничения власти государства посредством общественного контроля, другая важная функция гражданского общества в деле строительства демократии «заключается в том, чтобы дополнить роль политических партий в стимулировании политического участия, повышая политическую действенность и искусство демократической гражданственности» [9].

Данные о членстве в добровольных организациях, демонстрирующие особенности развития гражданского общества в «старых» и «новых» демократиях, позволяют раскрыть ряд дополнительных аспектов политического участия в посткоммунистических европейских странах. Как видно из табл. 3, на протяжении всего периода 1990-х — 2000-х гг. по среднему показателю членства в организациях посткоммунистические «новые демократии» Европы занимали самые низкие позиции по сравнению не только со зрелыми демократиями, но и с поставторитарными странами, которые вплотную приблизились к уровню «старых демократий».

Таблица 3

Членство в добровольных организациях по группам стран
(среднее значение в % от числа опрошенных в 1995–1998, 2005–2009 гг.)

Страны	Религиозные организации		Профсоюзы		Политические партии		Экологические организации		Профессиональные ассоциации		Благотворительные организации		Средний показатель членства в организациях	
	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.	1995–1998 гг.	2005–2009 гг.
«Старые демократии»	40,5	41,9	28,4	22,9	17,3	15,4	13,2	9,9	21,6	18,3	23,7	20,8	24,1	21,5
Поставторитарные «новые демократии»	53,9	46,0	13,9	12,3	17,9	14,0	15,6	10,8	13,9	11,2	19,3	14,4	22,4	18,1
Посткоммунистические «новые демократии» Европы	17,3	16,0	21,8	12,1	4,0	5,0	3,0	3,7	5,7	6,4	3,9	5,6	9,2	8,1
Восточноевропейские страны	21,5	15,4	16,8	10,2	5,3	4,7	3,9	3,4	8,3	6,3	5,6	6,4	10,2	7,7
Постсоветские европейские страны	12,1	16,9	28,2	14,5	2,4	5,4	2,0	4,0	2,4	6,5	1,9	4,6	8,1	8,6

Источник: подсчитано на основании данных World Value Survey, Wave 3. (1995–1998), Wave 5. (2005–2009), www.worldvaluessurvey.org.

Столь контрастная картина стала отражением глубоких социокультурных различий между посткоммунистическими и поставторитарными странами, основы которых были заложены еще прежними общественными системами. Если плановая экономика и партийная идеология, блокировавшие в условиях тоталитаризма любые проявления автономии личности, существенно затормозили развитие культуры гражданской самоорганизации, то рыночная экономика и слабая идеологизация общественной жизни при авторитаризме, напротив, содействовали ее становлению. Думается, что причиной низких показателей гражданской активности в посткоммунистических странах явилась также массовая психологическая усталость от мобилизационной политики периода тоталитаризма, когда население в обязательном порядке вовлекалось в различные общественно-политические организации, действовавшие как филиалы господствующей партии. При этом следует все же заметить, что в 1990-е гг. в восточноевропейских странах был зафиксирован более высокий средний показатель членства в организациях (10,2%), чем в постсоветских европейских странах (8,1%). Данный факт говорит о том, что в Восточной Европе тоталитарным режимам не удалось с помощью партийной идеологии и государственного контроля полностью подавить структуры гражданского общества и вытравить из общественного сознания ценности самовыражения.

Обращаясь к показателям членства в разных типах добровольных организаций, не трудно заметить, что наибольшее отставание посткоммунистических «новых демократий» от поставторитарных наблюдалось по тем из них, которые были связаны с политическим процессом и выступали как выразители и защитники постматериалистических ценностей. Данные табл. 3 указывают на то, что в период 1990-х гг. европейские посткоммунистические страны уступали поставторитарным по уровню членства в политических партиях более чем в четыре раза, а в экологических и благотворительных организациях — примерно в пять раз. В дальнейшем, в 2000-е гг., этот разрыв немного сократился, но продолжал оставаться весьма заметным. Очевидно, что низкая вовлеченность в ряды политических партий свидетельствовала о недоверии к партийной политике как таковой, а в более широком плане

сказывалось отсутствие у граждан посткоммунистических «новых демократий» какого-либо опыта автономного политического действия. Крайне ограниченное членство в экологических и благотворительных организациях подтверждало отмеченный выше факт слабого влияния на культуру посткоммунистических обществ ценностей самовыражения. В то же время сильное отставание посткоммунистических стран от поставторитарных по уровню членства в религиозных организациях отразило роль государственной идеологии в жизни людей в условиях разных типов диктатур. Попытка воплотить на практике социальную утопию, предпринятая в СССР и в социалистических странах Восточной Европы, не допускала возможности внедрения в общественное сознание любой идейной доктрины, альтернативной партийной идеологии. В авторитарных же странах, взявших курс на ускоренное создание рыночной экономики и использовавших материальное стимулирование для повышения производительности труда, государственная идеология не получила заметного развития и тем более не составляла конкуренции религии. Только по уровню профсоюзного членства в 1990-е гг. посткоммунистическим «новым демократиям» Европы удалось занять 2-е место после «старых демократий», обогнав поставторитарные страны. Однако этот факт не следует интерпретировать как свидетельство высокой гражданской активности. Массовость профсоюзов при тоталитарном режиме, достигавшаяся за счет всеобщего и принудительного членства, была связана с выполнением ими роли так называемого приводного ремня партии как рупора идеологической пропаганды и инструмента партийного контроля над обществом. Тем не менее после распада тоталитарных систем, в новых экономических условиях профсоюзам, несмотря на значительное сокращение своих рядов, удалось сохранить влияние в обществе как защитникам социально-экономических интересов лиц наемного труда.

Таким образом, можно утверждать, что особенности политического участия в посткоммунистических европейских «новых демократиях» оказали существенное влияние на процесс их становления и консолидации. Ограниченное влияние на общественное сознание ценностей самовыражения как культурно-психологическое наследие тоталитарной эпохи проявилось

в том, что политическая активность граждан этих стран была сведена преимущественно к голосованию на выборах при низком интересе к неэлекторальным видам политического участия. Слабая культурная мотивация массового гражданского политического действия, направленного на осуществление постоянного контроля избранных правящих элит, способствовала приобретению политическими режимами посткоммунистических стран Европы выраженных черт электоральной, а не либеральной модели демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмиттер Ф. Более либеральная, предлиберальная или постлиберальная? URL: [http:// old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm](http://old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm).
2. Freedom House. Available at: <https://www.freedomhouse.org>.
3. Даймонд Л. Определение и развитие демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты / под. ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006. С. 29.
4. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. С. 189.
5. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 44.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 179.
7. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Теория и практика демократии. Избранные тексты / под. ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006. С. 7.
8. Schmitter P. C., Karl T. L. What democracy is... and is not // Journal of Democracy. Vol. 2, no. 3, Summer 1991, p. 78.
9. Diamond L. Civil Society and the Development of Democracy. Estudio / Working Paper 1997/101, June 1997, p. 41.

REFERENCES

1. Shmitter F. More liberal, pre-liberal or post-liberal? [Bolee liberal'naja, predliberal'naja ili postliberal'naja?]. Available at: [http:// old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm](http://old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm) (In Russ.).
2. Freedom House. Available at: <https://www.freedomhouse.org>.
3. Dajmond L. Definition and development of democracy // Theory and practice of democracy [Opredelenie i razvitie demokratii // Teorija i praktika demokratii]. Izbrannye teksty / ed. V.L. Inozemcev, B.G. Kapustin. Moscow, Ladomir, 2006, p. 29 (In Russ.).
4. Almond G., Verba S. Civic culture: political attitudes and democracy in five countries [Grazhdanskaja kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratija v pjati stranah]. Moscow, Mysl', 2014, p. 189 (in Russian).
5. Hovard M. Weakness of civil society in post-communist Europe [Slabost' grazhdanskogo obshhestva v postkommunisticheskoj Evrope]. Moscow, Aspekt Press, 2009, p. 44 (In Russ.).
6. Inghart R., Vel'cel' K. Modernization, cultural changes and democracy. The sequence of human development [Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011, p. 179 (In Russ.).
7. Shumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy // Theory and practice of democracy [Kapitalizm, socializm i demokratija // Teorija i praktika demokratii]. Izbrannye teksty / Pod. red. V. L. Inozemceva, B. G. Kapustina. Moscow, Ladomir, 2006, p. 7 (In Russ.).
8. Schmitter P. C., Karl T. L. What democracy is... and is not // Journal of Democracy, 1991, vol. 2, no. 3, Summer, p. 78.
9. Diamond L. Civil Society and the Development of Democracy. Estudio / Working Paper 1997/101, June 1997, p. 41.